

Дети золота, дети песка

Автор:

Янина Волкова

Дети золота, дети песка

Янина Волкова

Young Adult. Инстахит. Этническое фэнтези. Дети богов #2 Дети богов #2

Продолжение истории Ренэйст Белолунной, воительницы и юной наследницы северных земель.

На этот раз ей придется пойти на примирение с давним врагом, ведуном Радомиром, вместе с которым они попали в плен к жестокому султану Саиду.

Чтобы выжить в неволе, в незнакомом крае золотых песков, Рена и Радомир должны объединиться и поддерживать друг друга.

Тем временем на севере, в Чертоге Зимы, в погоне за властью назревает политический конфликт...

Потрясающий авторский слог, обилие мифологических отсылок, детализированная проработка характеров персонажей, а также новые герои ждут нас в продолжении истории о детях Луны и Солнца!

Чудесная оригинальная иллюстрация от Марины Козинаки!

«Если первая часть заморозила меня языком старинных од и суровостью, схожей с извилистыми северными фьордами, то вторая часть вышла более надрывной. Автор приготовила семье конунга еще больше испытаний.

Справятся ли дети вождя с судьбой, что соткали для них Норны, или владычица Хель заберет их в свое царство одного за другим, как их старшего брата?», – @olka.bookконфликт.

Для поклонников Ульяны Черкасовой («Сокол и ворон») и Дарины Стрельченко («Земли семи имен»).

Янина Волкова

Дети золота, дети песка

© Волкова Я., 2022

© Оформление. Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1. Кровь на песке

Он открывает глаза и видит над собой голубое небо. Тело ломит, словно против богатырей бился на кулачных боях. Никогда еще такой боли он не испытывал, да и не то что жизнь у детей Солнца такая, что с болью учишься справляться. Никогда бы не подумал, что сможет испытывать нечто подобное. Кажется, Среча, потешаясь, вручила его нить сестре.

Застонав, садится Радомир на мягкой земле, растекающейся от малейшего движения. Губы пересохли и слиплись, и он морщится, силясь открыть рот. Как ни пытается, а не может вспомнить, что произошло, словно воспоминания, покинув его, птицами взмыли в небо. Радомир прижимает ладонь ко лбу, но тут же отдергивает ее, смотря на руку, покрытую песчинками. Внутри него все холодеет, и поднимает Радомир голову, глядя перед собой.

Несреча, ухмыльнувшись, сильнее сжимает его нить в руках.

– Песья кровь...

Вдоль берега разбросаны обломки корабля луннорожденных, а подле ног лижет песок волна. Радомир оборачивается; позади костяным хребтом поднимаются скалы, а у горизонта светлое небо молоком льется в звездную ночь. Ведун держится за голову, с силой хватая светлые волосы и в ужасе смотрит на бескрайнюю лазурь, раскинувшуюся перед ним блестящим в солнечных лучах полотном.

Этого не может быть.

Но он все вспоминает; резко, словно вспышками искр, когда огнем высекают пламя. Огромное морское чудовище, кольцами сжимающее корабль. Крики людей. Полный ужаса взгляд Весны, которую он бросает в руки луннорожденного.

Тонущую девушку, чьи белоснежные волосы развеваются в соленой воде подобно змеям.

Воспоминания впиваются в него раскаленными наконечниками стрел. Ему кажется, что на его плечи опустили настоящую гору. Должен держать Радомир на себе ее вес, иначе рухнет она, а следом за ней – и он сам. Опускает голову между своих согнутых колен, тихонько застонав, и впивается взглядом в золотистый песок, жадно хватая разгоряченный воздух ртом.

Ему некого винить, кроме себя. Если бы он доверился видению, которое было ему даровано, ничего бы не случилось. Его народ подготовился бы к нападению, и северные волки ни за что не одолели бы их. Вместо этого он сглупил, возгордился, и теперь народ Солнца погаснет в холодных лучах Луны. Кто повинен в этом, если не он?

Когда только стало ясно, что Дар отца перешел к сыну, в один голос стали твердить ему, сколь велика ответственность, возложенная на ведунов. Ему все казалось, что пугают его страшными сказками, что нет никаких северян, потому что до четырех своих лет ни разу не видел их он. В тот миг, когда их полосатые паруса появились на горизонте, Радомир потерял и отца, и мать. Он потерял все потому, что отец не доверился своему Дару.

И что же сделал Радомир двенадцать лет спустя? Он повторил ту же самую ошибку. Закрыв глаза, смотрел, но не видел, не желая признавать, что ничем не отличается от своего отца.

Того, что произошло, ему не изменить. Но ведь он может дать отпор тому, что наступает. Под силу ли ему это?

Радомир с трудом поднимается на ноги, и земля пляшет вокруг ритуальные танцы. Становится трудно дышать, дурнота подкатывает к горлу и, согнувшись, ведун избавляется от скудного содержимого своего желудка прямо на песок. Собственное тело словно бы старается навредить ему, сделать слабым и немощным. Обтерев рот рукавом порванной рубашки, снова вглядывается он в горизонт, да только не видит в нем помощи. Ничего не остается ему, кроме как идти вперед.

Вперед, но куда? У него нет ни единой мысли о том, что ему стоит сделать. Как добраться до тех, кто дорог? Сейчас они окружены льдами далеких земель, погруженных в вечную Ночь, и на своих ногах ему к ним не приблизиться.

Нужен корабль. Быть может, на берег выбросило хоть одно целое судно?

Кости разорванного на части корабля разбросаны по всему берегу. Ведун хромает – похоже, повредил ногу во время падения, – но упрямо продолжает идти. Босыми ногами по песку шагать – настоящее испытание. Тот обжигает ступни, согретый светом Ярило, достаемым до этих берегов. Радомир пытается идти по кромке воды, но песок там вязкий, словно глина, идти становится только сложнее. Тошнота не проходит, боль в теле разрывает на части. Шум волн навеивает мысли о том, как хорошо было бы сейчас окунуться по самые плечи в бочку, стоящую подле дома, да напиться из нее холодной ключевой воды. Во рту сухо, от жажды и жара кружится голова.

Когда он в последний раз был таким слабым?

Что стало с теми, с кем плыл он на корабле? Воспоминания возвращаются к нему рваными клочьями цельного полотна, и в них оглушающий крик Весны. Больше всех волнуется он о ней, не может места себе найти, проклиная за то, что оставил одну. Но мог бы он спасти ее, если бы поступил иначе? Другого выбора не было, в тот миг он выбрал меньшее из двух зол, отдав ее в руки варяга. Если

бы он только знал, что с Весной все в порядке, мог увидеть хоть на мгновение и узнать, что с ней все хорошо, у него были бы силы для борьбы.

Эти мысли душат его чувством вины. Не может простить себе, что отворачивался от предчувствия, не позволял ему открыть себе глаза. Может, не будь он так горд и упрям, иначе все было бы? Кто знает, кто остался в живых из тех, кого должен был защищать?

Радомир должен все исправить. Он должен стать тем, кем ему было суждено.

Ведуном. Защитником.

Только есть ли ему еще кого защищать?

Путь долог. Радомир выбивается из сил. Он голоден и, кажется, умирает от жажды. Среди остатков кораблекрушения нет еды, словно бы боги, насмехаясь над ним, отдали воде все съестное, что украли викинги с их земель. Океанская вода соленая, ею не утолить жажду, а потому остается лишь терпеть.

Разум мутнеет, и от того сначала принимает он за мираж девичий силуэт, мелькнувший впереди. Радомир останавливается, сощурившись, и прикладывает ладонь к глазам, пытаясь различить, правда то или вымысел, которым одаривает его истерзанное жаждой и усталостью тело.

Она шатается при каждом шаге, словно готова упасть в любой момент. Длинные белые волосы покачиваются в такт, и солнечные блики пляшут на смятом металле, некогда бывшем частью ее брони. Босая, израненная, шагает она ему навстречу, и Радомир узнает ее.

Тонущую девушку. Воительницу, поваленную им на поле боя. Северянку, стоящую на берегу бурной студеной реки.

Ренэйст.

Ее имя отдает зимним холодом. Кажется, словно делает глоток холодной воды, смакуя его на языке.

После крушения ей досталось ничуть не меньше. Еле передвигает ногами, и, когда она останавливается, чтобы перевести дыхание, Радомир в полной мере понимает, что северянка не иллюзия. Затаившись, поспешно скрывается он за остатками корабля, прижимаясь спиной к нагретой жаром древесине, и закрывает глаза. Сердце бьется в груди загнанной птицей, а от волнения потеют руки. Он выглядывает в щель между разбухшими от воды досками и видит, как воительница садится на обломок, тяжело прислонившись спиной к обвалившейся мачте. Накрывает ладонью левую сторону ребер, запрокинув голову назад, – и замирает.

Как удалось ей выжить? Радомир и свое-то спасение не помнит, как и того, почему оказался в воде, но то, как медленно шла она ко дну, явно видится ему. Быть может, это очередное видение, навеянное Даром? Все чаще становится сложно понять, где реальность пересекается с картинами, что видны только ему. Даже сейчас Радомир не может быть уверен, что северянка настоящая. Подойти бы к ней, заговорить, прикоснуться, только пожить еще хочется.

Они враги. Нечего ему ждать от нее доброты.

Но любопытство гонит его вперед, заставляет снова и снова пытаться ее рассмотреть. Ратибор бы сейчас схватил за ухо, потянул бы назад, в безопасность, приговаривая, что любопытство Радомира погубит. Он бы съязвил, мол, так что же погубит, злоба или любопытство, но никто не ответит. Ведун не может быть уверен в том, что старейшина жив, потому и не останавливает себя. Увы, коль боги и есть, то благоразумием они его не наградили.

Она не кажется ему такой грозной, как говорят о северных воинах. Услышишь «варяги», сказанное шепотом, словно бы от слова самого беда приключится, и представляешь могучих мужей, пропитанных кровью и потом, от которых веет холодом и смертью. Девчонка на них не похожа. Макушкой вряд ли достанет до его плеча, да и меч ей будет не по руке. Радомир не сомневается в том, что именно ее он видел в своих видениях, да только что они могли значить?

Зачем боги указали ему на нее?

Странно думать, что им еще может быть какое-то дело до происходящего с теми, кого они оставили. Но если ведения – их дар, то разве не должен он был исчезнуть вместе с ними? Кому только не задавал этот вопрос Радомир,

спрашивал, отчего чужие думы продолжают тревожить его и тех, кто так на него похож, но ни Ратибор, ни иные древние старцы так ничего и не ответили.

Значит, и боги никуда не делись, только молчат. Прячутся и таятся, словно бы и нет их здесь. Для них все это – лишь забава, и от мыслей этих гнев в груди его разгорается только сильнее.

Она не шевелится, словно бы и не дышит. Белые волосы падают на плечи, тонкие прядки колышутся от дыхания. Или же Радомир хочет думать, что девчонка дышит? Ему боязно остаться одному, вот только такой гордец никогда не признается в этом даже себе самому. Стремясь разглядеть лицо северянки, ведун поддается вперед, выглядывая из своего укрытия, и, не удержав вес тела на пострадавшей ноге, оступается. Древесина с громким треском ломается под подошвой сапога, и Радомир, перестав дышать, замирает на месте.

Ничего не происходит. Нет ни крика, ни шума. Может, она не услышала? Радомир практически убеждает себя в этом, успокаиваясь и теряя бдительность. Беспечность – непозволительная роскошь.

Ведун вновь выглядывает в небольшую щель между досками, чертыхнувшись про себя; северянки нет на том месте, где она была мгновение назад. Напрасно считал, словно бы та, что обучена убивать, не услышит в тишине не то что хруст древесины, лопнувшей под его сапогом, – судорожный вдох, сорвавшийся в тот момент с разбитых губ. Радомир оглядывается по сторонам, пытаясь найти ее взглядом. Его дела плохи. С такой ногой не убежать далеко, и это даже несмотря на то, что сама луннорожденная не в лучшем состоянии. Радомир дышит глубоко, старается успокоиться. От паники не станет ему лучше.

Нужно уйти как можно скорее. Может, вернуться назад, откуда пришел, но избежать встречи с ней любым возможным способом. Быть внимательнее. Собственная беспечность играет с ним злую шутку.

Ему так и не удастся понять, с какой стороны дочь Луны подкрадывается к нему. Руки ее сильны, и она толкает его в плечи, заставляя тяжело опереться спиной о разбухшую от воды древесину. Не позволив даже вдохнуть, воительница давит локтем на шею, грозя сломать кадык, и тянется за мечом, но пояс ее пуст. Луннорожденная смотрит на него голубыми глазами, и ее горячее дыхание щекочет ему ключицы.

Он в ловушке. Девчонка провела его. Держит крепко, и кажется Радомиру, словно бы волчья пасть сжимается вокруг его шеи. Дернется – и ему конец. Разве может она быть такой сильной после всего, что с ними случилось? После полученных ею ран?

Движет ей ярость, холодная, но обжигающая.

Замирают напротив друг друга, внимательно наблюдают за малейшим движением. Словно зверь, готова она лишить его жизни, если Радомир сделает то, что ей не по нраву придется. Именно северянка первой нарушает нависшую над ними тишину:

– Ты тот самый ведун.

Знает его язык, хоть и говорит неправильно. Рычит, звучит приглушенно, и нет в ней перелива колокольчиков, коим так хороши певчие дочери Солнца. Нет, голос северянки другой, он полнится тьмой и лунным светом, отчего звучит таинственно. Словно бы из другого мира звучит этот голос, да разве не так это? Пока размышляет он, воительница делает еще один шаг к нему, сокращая и без того небольшое расстояние, двигаясь медленно, словно бы Радомир – олень, который сбежит, стоит ей сделать хоть одно резкое движение.

Ему не нравится чувствовать себя добычей.

Тянет он губы в надменной усмешке, словно бы и не боится ее вовсе. Да чтобы он, ведун, и боялся какой-то размахивающей мечом девчонки! Вспоминая их встречу на подступе к горящему Большеречью, думается ему, что и мечом-то она не слишком хорошо владеет. Словно бы и вовсе не на своем месте была, когда рвалась в самую гущу боя.

– Ты практически такая, какой я видел тебя в лесу, Ренэйст.

Удивление на ее лице даже приятно ему. Резко отходит она назад, и ведун жадно вдыхает, чувствуя, как ноет горло. Он заходится хриплым кашлем, в то время как северянка смотрит на него льдистыми глазами; теперь она действительно выглядит испуганной.

Так он назвал ее в зимнем лесу, где был гостем в своем видении, и на поле боя, когда оставил синяк на бледной скуле. Именно его вспомнил, когда увидел ее, бредущую ему навстречу по песку.

Ренэйст.

Ренэйст мечется по песку из стороны в сторону, прихрамывая и снова держась ладонью за левый бок. Каждый шаг заставляет ее морщиться, скалить зубы в болезненной гримасе. Он продолжает сидеть неподвижно, наблюдая за ней одними глазами. Не хотелось бы снова почувствовать, как она душит его.

К ней самой, кажется, возвращается способность говорить. Останавливается прямо напротив него, возвышаясь подобно скале, и спрашивает гулко:

– Мое имя. Откуда ты его знаешь?

Радомир усмехается, дернув плечом.

– Все было бы проще, если бы я сам знал откуда.

Такой ответ ее не радует. Она хмурится, смотрит с неодобрением, комкая пальцами ткань порванных одежд. В глазах ее плещется недоверие, да и он не склонен ей доверять. Не меньше, чем насмешка богов, то, что вдвоем они оказались на этом берегу, где Солнце и Луна делят небосвод.

Снова боги. Словно бы ничего без них случиться не может.

Северянка отступает на шаг назад, окинув побережье задумчивым взглядом. Устремляет его вдаль, на север, словно бы может видеть она, что происходит сейчас в далекой ее родине. Сколько времени провели они на берегу? Успели ли корабли достичь родных берегов? Наверняка считают ее погибшей. Кто бы мог выжить в таком кораблекрушении?

Еще и морское чудовище... Откуда знать им было, что нечто подобное до сих пор бороздит водную гладь? Никак сам Мировой Змей явился им – дурной знак. Матери рассказывают своим волчатам, что об его кости корабли рвут свои деревянные бока на далеком юге, а что же на самом деле?

Теперь Ренэйст знает – правда никому не ведома.

– Если бы не этот змей, – шепчет она, – ничего подобного не произошло бы.

Ярость охватывает его, ведун вспыхивает как спичка и, стиснув кулаки, восклицает:

– Этого не было бы, если бы ваш проклятый народ оставался там, где ему должно! С чего вы взяли, что можете подчинять нас себе?!

Ренэйст, не ожидая такой агрессии, вздрагивает невольно, но пламя в ее груди разгорается со скоростью лесного пожара. Зарывав, Белолунная хватает ведуна за грудки, с силой вжав его спиной в палубу, за которой он скрывался. Она скалит зубы, хрипло дыша, и Радомир хватается за ее запястья, силясь оттолкнуть от себя разъяренную девушку. Растрепанные волосы падают на перекошенное от ярости лицо, и, когда она начинает говорить, в голосе еще отчетливее слышится холод ее родины:

– Всего этого не было бы, если бы вы согласились помочь, когда мы просили! Но солнце перегрело ваши головы, и вы возгордились, считая, что лучше нас! Как смеешь ты обвинять мой народ в том, что мы боремся за свои жизни?!

Прозвучавшие слова вынуждают его удивленно вскинуть брови. Северяне просили помощи? Никто и никогда не говорил о подобном, да и мог ли кто-нибудь знать? Невольно вспоминает он Ратибора; того, кто мог рассказать ему правду, если о том ему было ведомо. Вряд ли он когда-нибудь снова поделится своей мудростью, ведь не видно было старика на корабле. Если умер, да хоть на родной земле, не попав в плен. Только что теперь делать ему здесь, на краю золотых земель, наедине с озлобленной волчицей? Радомир резко отталкивает ее от себя и, когда Ренэйст вскидывает на него звериный взгляд, произносит голосом твердым:

– Не имеет значения, что было тогда, северянка. Нам дана лишь одна жизнь, и не наши предки решают, как нам ее прожить. Поэтому я вырву свой народ из плена ваших холодных рук, и никогда больше вы не посмеете ступить на нашу землю!

Смешок, сорвавшийся с искусанных губ, отскакивает от скал и скрывается в морской пучине. Рваным движением отбрасывает воительница волосы с лица, окинув собеседника презрительным взглядом льдистых глаз.

– Не имеет значения, что было тогда, южанин? Как забавно рассуждаешь. Значит, то, что делаем мы, значение имеет, а вот злоба и жестокость твоего собственного народа глаза режет? Хорош ты, ведун, сказать нечего.

Упрекает. Она-то и смеет его в чем-то упрекать? Раскрасневшись от молчаливой ярости, поднимается Радомир на ноги, проглотив болезненный стон.

– Уж я-то хорош, спорить не стану.

И, толкнув Ренэйст плечом, хромая, направляется прочь. Сказал же, что вернет свой народ, нужно будет – по воде пойдет, но доберется до севера.

От такой наглости у нее перехватывает дыхание. Как же сильно напоминает сейчас ведун ей Ньяла! Вот уж кому нужно с ним соревноваться в том, у кого язык острее.

Ведун уходит прочь, оставляя глубокие следы на песке. Шагает уверенно, словно действительно знает, куда нужно идти. Только вот что будет делать, когда доберется до противоположного берега?

Белолунная смотрит ему вслед, и бессильная ярость душит ее изнутри. Ей страшно, она далеко от дома и не знает, выжил ли кто-то из ее родных в крушении. А этот наглец считает, что может просто все изменить! С силой пнув древесный обломок под своими ногами, взвив песок, Белая Волчица спешит за ним.

Не останется же она здесь одна.

– И что ты сделаешь? – кричит ему в спину. – Что ты сделаешь?!

Ноги скользят по песку, Ренэйст спотыкается и едва не падает, но продолжает идти. Лазурные волны лижут подошвы ее сапог, скрывая следы упрямого ведуна. Солнцержожденный хромает на левую ногу, но идет вперед, навстречу

Луне. Словно бы не слышит ее, и от этого Ренэйст только злится сильнее. Как хочется поколотить наглеца, всю спесь с него согнать! Ей и самой больно идти, каждая косточка заходится волчьим воем при малейшем движении, но упрямо не желает она уступать ведуну. Кто он такой, чтобы вести себя с ней подобным образом?!

– Ты не доберешься один! – продолжает она. – Не справишься, даже если каким-то чудом сможешь найти корабль!

Плечи его вздрагивают, и Радомир оборачивается, глядя на нее гневными карими глазами. Он останавливается так резко, что Волчица едва успевает остановиться за мгновение до того, как влететь носом в его ключицы. Разъяренный ведун даже не замечает этого; столь яростен его взгляд, что вряд ли способен заметить хоть что-то. Кажется ей, что однажды видела уже подобный взгляд, и от озарения озноб проходит по хребту.

Как может солнцорожденный смотреть на нее глазами Витарра?

– И что ты предлагаешь?! – кричит он, взмахнув руками. – Остаться здесь и ждать? Я должен помочь моему народу, я...

Он пахнет отчаянием и страхом. Такой же потерянный, как и она сама, Радомир совершенно не знает, что ему нужно делать. Груз ответственности давит на его плечи, душит, склоняя к земле, а гордость не позволяет увидеть, какой путь может быть правильным. Все больше напоминает он ей старшего брата, пострадавшего от чужой жестокости. Сложно представить, какой была его жизнь на родных берегах, но Ренэйст понимает одно – от него требуют ничуть не меньше, чем от нее самой. Чужие ожидания приносят боль, лишают собственной воли.

Ее пугает то, как сильно они похожи.

Ренэйст хватается за его плечи, сжимая пальцами все еще влажную от океанской воды ткань разорванной рубахи. Ведун дергается, как обожженный, старается вырваться из ее хватки, но она держит крепко. Ждет, когда Радомир успокоится, когда посмотрит в глаза, и пытается унять сердце, в испуге бьющееся о собственные ребра.

Ведун успокаивается не сразу. Ренэйст видит, как его ладони алеют, словно бы нагреваются, как угли в очаге, но его сил недостаточно, чтобы разжечь настоящее пламя. Его движения становятся вялыми, но взгляд пылает лишь ярче – собственное бессилие его невероятно злит. Радомир молчит, ждет, и больше тянуть нельзя. У них не так много времени.

– Помоги мне вернуться домой, – устало шепчет Белолунная, вглядываясь в его глаза, желая видеть его реакцию на горькую ее просьбу. – Без тебя я не справлюсь, как и ты без меня. У нас нет иного выбора, кроме как объединиться для достижения наших целей.

Он ведь и сам понимает это, не так ли?

Радомир смотрит с недоверием, но вырваться не пытается. По выражению его лица невозможно сказать, о чем он думает, что собирается сказать. В равной мере она ожидает как того, что через мгновение опрокинет ведун ее на песок, стиснет руками шею и начнет топить в прибрежных водах до тех пор, пока не перестанет цепляться за жизнь, как и того, что сам попросит о помощи. Непредсказуемость его натуры лишь усложняет их и без того шаткое положение, лишает Ренэйст возможности видеть хотя бы на шаг вперед.

Сжимает ладонями ее локти, неосознанно опираясь; поврежденная нога не может выдержать вес его тела. Ренэйст придерживает его, пусть и старается делать это не столь явно. Уж не из тех ведун, кто принимает чужую помощь, признавая безболезненно свою слабость. Хмурится он, скалит зубы и, наконец, говорит:

– Хочешь объединиться? Заполучить мое доверие, сделав себе соратником? Откуда мне знать, что, едва мы ступим на землю Луны, ты не закуешь меня в кандалы или не бросишь умирать?

И все же он не так прост, как может показаться. Ведун хочет обезопасить себя, быть уверенным в том, что по окончании путешествия ему ничего не будет угрожать. Ему нужны доказательства. Вовсе не удивительно, ведь они все еще остаются врагами. Если бы не острая необходимость, то Волчица бы и сама не стала ему верить.

Не то чтобы сейчас она верит ему. Но у них нет другого выбора.

Ведун хочет знать, что она выполнит условия их соглашения. У Ренэйст есть только один способ убедить его в своих словах.

– Тогда побратайся со мной.

Изумленный, ведун ни слова не успевает сказать, даже осмыслить сказанное ей не может. Не верит, что северянка может быть серьезна в подобном желании. Кто по доброй воле повяжет себя кровью с врагом? Связь эта нерушима, не может воин причинить зло своему побратиму. Обряд свяжет им обоим руки, но в то же время обезопасит от предательства.

Решимость в холодных глазах кажется ведуну непоколебимой. Завораживающее зрелище, лишаящее дара речи.

Поджав губы, недовольная его промедлением, конунгова дочь выхватывает из голенища сапога нож и одним движением вскрывает кожу на ладони острым лезвием. Алая кровь капает на золотистый песок, исчезая вместе с волной. Смотря в глаза ведуна, северянка твердо произносит:

– Я, Ренэйст из рода Волка, дочь Ганнара конунга, правителя Чертога Зимы, властителя земель моего народа, связываю себя с тобой узами побратимства. Клянусь беречь жизнь твою, как свою собственную, делить хлеб и кров, как делят с братом, и призываю богиню Вар в свидетельницы моего обета.

Слушая пылкую речь северянки, Радомир не может понять, чего в ней больше – храбрости или глупости.

Это не то, чего он ожидал, когда требовал предоставить ему доказательства. Мог ли он знать, что упрямая девчонка предложит ему побратимство? Еще ни с кем Радомир не связывал себя подобными узами.

Он смотрит на то, как кровь стекает с тонкого девичьего запястья. Видит голубоватые линии вен под бледной кожей и поднимает взгляд на лицо Ренэйст. Израненная и бледная, едва стоящая на ногах, девчонка едва ли не прожигает его взглядом, ожидая, чем он ответит. Радомир неожиданно ловит себя на мысли о том, что вряд ли она намного старше его самого. Возможно, они даже ровесники?

Разница между ними не так уж и велика.

Поджав губы, Ренэйст перехватывает нож за лезвие, вытягивая вперед рукоять, и смотрит на Радомира так, словно готова пригвоздить взглядом к скалам, что возвышаются над ними могущественными и пугающими древними стенами.

И ему страшно.

– Это моя клятва тебе, – говорит северянка, – никогда я не подниму оружие на своего брата, не предам и не оставлю на погибель. Будет ли этого достаточно, ведун, чтобы убедить тебя в честности моих слов и поступков?

Он может отказаться. Не принять ее клятву, высмеять и обвинить в легкомыслии. Мол, сколь глупа же ты, дочь ночи, что думаешь, словно бы враг с тобой побратается? Только вот гордость не позволит ему поступить так. Может, нет в нем воинской чести, но гордыни хватит на целый полк. Если уж девчонке, возомнившей себя воином, хватает смелости на подобный жест, то Радомир не намерен ей уступать.

Только сделать это оказывается не так просто.

Радомир вздыхает, отведя взгляд в сторону. Смотрит на океанские волны, что лижут песок под ногами, смывая кровь, что капает с чужого запястья, и думает о том, будет ли этого достаточно. Побратимство – шаг серьезный, он свяжет их судьбы не только на это путешествие, но и до конца их жизней. К чему бы это ни привело, им придется нести ответственность друг за друга. Даже если захочет, не сможет он ее оставить на произвол судьбы. Столько лет Радомир был один, что попросту не представляет, как о ком-то заботиться.

Но разве есть иной путь?

Рукоять ее ножа сделана из белой кости и удобно лежит в ладони. Солнцорожденный смотрит на кровь, поблескивающую на лезвии, и приставляет его к своей ладони, проводя с нажимом. Боль резкая и холодная, отрезвляющая на мгновение, а после резко погружающая в томный дурман. Ведун морщится, когда кожа раскрывается подобно цветочным лепесткам, и его собственная кровь смешивается на острие с кровью дочери Луны. Очарованный этим

зрелищем, он не сразу вспоминает, что должен сказать, и, когда начинает, голос его дрожит:

– Я, Радомир, сын Святовита, связываю себя с тобой узами побратимства. Нити, коими Среча прядет мою судьбу, переплетаются отныне с твоими. Одна у нас доля, дочь Луны, одной дорогой нам идти.

В ответ на его речь Ренэйст удовлетворенно кивает. Радомир замечает тень облегчения, скользнувшую по ее лицу. Не верила, что он согласится? А будет ли удивлена, если скажет, что и сам удивлен? Взяв нож в другую руку, Радомир вытягивает ладонь вперед, ожидая завершения ритуала.

Девичьи пальцы сжимают его запястье, и Радомир чувствует, как она дрожит. Ренэйст старается быть храброй, но этот шаг дается отчаянно нелегко. Разве можно спокойно называть побратимом того, кого пытался убить? Там, на поле боя, они сцепились не на жизнь, а на смерть, и если бы ведун не признал ее, то чем бы все закончилось? До сих пор не понимает она, откуда может знать ее ведун, но сейчас не время для этих вопросов.

Она сможет задать их позже.

Радомир обхватывает ладонью ее тонкую руку так, чтобы раны их соприкасались. Кровь их смешивается, раны щиплет от соли, но все равно процесс этот кажется нереальным. словно бы частью сна, ужасного кошмара, в котором они оба оказались.

Но, когда северянка поднимает на него взгляд голубых глаз, Радомир заставляет себя улыбнуться. Отныне он должен ее защищать.

Кровь, срывающаяся с их рук, капает на песок, мгновенно исчезая в океанской воде.

Глава 2. Паутина снов

Ритуал окончен, им следует продолжить свой путь.

Из обломка мачты сооружают костыль, чтобы ведуну не пришлось опираться на больную ногу. Глядя на спину идущей впереди него девушки, которую собственные раны словно бы не тревожат, Радомир хмурится. Ее упрямство, столь схожее с его собственным, только злит его. Как смеет она не показывать боль? Злясь, ведун то и дело пытается ускорить шаг, идти с воительницей на равных, но рана, будь трижды она проклята, вынуждает его стремительно выдохаться, возвращаясь к медленному темпу.

Иногда она украдкой смотрит на него, считая, верно, что он не замечает. Оглядывается через плечо, проверяет, не слишком ли ведун отстал, но не торопится замедлять свой ход, давая тем самым хоть малейшую поблажку. Он сам хоть и пытается идти рядом, но под руку забраться не стремится. Радомир помнит о ноже, скрытом в голенище ее сапога, затаившемся подобно змее. Хоть и не сможет она воспользоваться им против него, никогда не стоит забывать об опасности.

Особенно когда ты заперт наедине с волком.

В иных обстоятельствах Радомир никогда бы не пошел на этот шаг. Связать себя узами крови с северянкой – кто добровольно согласится на это? Они ведут свой род от зверей, оттого и кутаются в их шкуры, стремясь вновь обрести свои корни. Но сейчас Радомир видит ее перед собой, и ей столько же лет, сколько и ему. Она не кажется дикой и жестокой, разве что по-звериному осторожной и любопытной. Может ли он судить о ней по делам, которые она не совершала? Разве то, кем были их предки, может предрешить, кем будут они сами?

Снова и снова невольно возвращается он мыслями к словам, сказанным ею. Действительно ли просили северные воители помощи у его народа? Если так, то отчего же им не помогли? Не хочет Радомир признавать, что его предки могут быть ничуть не лучше, чем завоеватели, порабошающие и сжигающие их города. Столь яростно обвинял он их, а теперь что?

Как бы тошно ему от этого ни было, да только все равно Ренэйст права – одному ему не добраться до земель ночи. Он погибнет сразу же, как только ступит на холодный берег, тени вековых елей поглотят его, и навсегда пропадет ведун в

глубоких снегах.

Океанская волна лижет подошвы сапог белой пеной, смывает следы с мокрого песка. Жажда кажется невыносимой, губы трескаются и кровоточат, покрытые коркой. Ренэйст облизывается, но язык ее сух, и ничто не приносит ей облегчения. Длинные волосы собраны в высокую и небрежную прическу, рубаха прилипает к мокрой от пота спине, а из-за жажды двоится в глазах. В самое пекло Муспельхейма привели ее боги, и нужно возвратиться волчьей тропой назад.

Думы о судьбе луннорожденных, что делили с ней хлеб и огонь, тревожным роем вьются в голове. Ни одного тела не видит она на песчаном берегу; лишь разломанные кости кнорра, как жуткое напоминание о произошедшем крушении. С тревогой заглядывает под каждый обломок, боясь увидеть за ним брата, отца или возлюбленного. До самого своего возвращения она будет пребывать в тревожном неведении.

Схожие мысли тревожат и Радомира. Второй раз в жизни видел он северян и впервые лицом к лицу столкнулся с их яростной мощью. Что будет с теми, кто остался у них в плену? Какая судьба их ждет? С самого детства был он уверен, что северяне убивают всех и каждого, кто попадает им на пути, а что же на самом деле? Они забирают их, но для чего? Можно спросить у Ренэйст, только гордость не позволяет. Желание знать правду куда слабее, чем немая ярость, которую вскормил он в себе годами.

Их путь долог, и ноги начинают болеть нестерпимо. В какой-то момент усталость становится настолько болезненной, что нет возможности даже согнуть колени. Весь вес своего тела переносит ведун на импровизированный костыль, шагает медленно, ощущая, как сбивается дыхание. Вскоре и воительница дает слабину, падает на одно колено, упираясь в песок, и ладони ее проваливаются в зыбкую глубину. Не спешит Радомир помогать, лишь наблюдает за тем, как упрямо она поднимается, извергая проклятия на родном языке.

Он не знает, что означают эти слова, но в том, что это проклятия, ничуть не сомневается.

Обессиленные, они останавливаются на привал, но держатся на расстоянии друг от друга. Несмотря на то, что прошли по берегу уже много лиг, обломки

кораблей продолжают встречаться на их пути. Тонкие и узкие, на легких веслах и наоборот, ужасающе огромные, подобно костям гигантских рыб, они глядят в небеса обнаженными скелетами, и кладбище это простирается до самого горизонта. Никогда не видел Радомир ничего подобного и не сказать, что вовсе ожидал, что когда-то увидит. Даже видение, кое посылает ему разнообразные кошмары и чудеса в его снах, не даровало ему подобных картин.

Северянка смотрит в ту же сторону.

Она сидит на нагретом камне, снимает сапог и вытряхивает из него песок. Нож лежит возле ее бедра, до него вполне можно дотянуться, но Радомир не успеет схватить оружие быстрее, чем северянка заметит его маневр. Уловив его взгляд, Ренэйст смотрит подозрительно, и Радомиру приходится найти другой объект для наблюдения. Он переводит взгляд на переломанную мачту, раскинувшую над его головой трухлявые кости, с нее свисает выцветший парус. Ткань, наполовину погруженная в воду, покачивается из стороны в сторону, словно бы развеваясь на несуществующем ветру, и они оба наблюдают за этим, словно зачарованные.

Радомир зло пинает костылем кусок гнилой древесины прямо к ногам луннорожденной. Не глядя, наступает Ренэйст на него тяжелым сапогом, разламывая в щепки.

– Это не наши суда, – неожиданно говорит Ренэйст.

– Если не ваши, – спрашивает он, – то чьи?

Ренэйст не отвечает ему и только жмет плечом. Порез на ладони, грубо перевязанный куском ткани, оторванным от подола и без того порванной рубахи, обжигает болью. Это чувство напоминает о том, что она еще жива и ей нужно бороться. Мельком смотрит она на руку ведуна, на грязной ткани проглядывают кровавые пятна.

Замолчав, они слушают шум волн. Ренэйст отворачивается от своего спутника, глядя на звездное небо, мерцающее вдалеке холодным светом. Дом там, к северу от Солнца, и там должны лежать в снежный курган ее кости, когда сама она предстанет перед Всеотцом. Что же сейчас происходит в далеком ныне Чертоге Зимы? Как бы ни было тяжело это признать, но Белолунная понимает, что

мертва на родине. Иные луннорожденные видели, как она упала в воду, видели, как ужасное морское чудовище увлекло на дно остатки их корабля.

С чего бы маленькой конунговой дочке оставаться живой?

Если она мертва, что будет делать отец? Конунг ни за что не назовет своим наследником Витарра, и все может кончиться междоусобицей, если только она не вернется раньше, чем это случится.

Или если Витарр не решится взять то, что положено ему по праву рождения. Слишком долго он терпел насмешки и издевательства, и теперь, когда остается единственным щенком в волчьем роду, станет ли и дальше прятаться, поджав хвост к животу?

Нет. Он станет зверем, способным и умеющим убивать. И каждый, кто встанет на его пути, пожалеет об этом.

От этих мыслей ее пробирает мелкая дрожь, приходится обнять себя за плечи. Ренэйст не может допустить подобный исход. Сама мысль об этом погружает рассудок ее в хаос, рисует ужасающие картины, полные страдания и боли. Северяне будут биться до конца, отстаивая свою правоту, и длиться это будет до тех пор, пока никого не останется. Видит Ренэйст, как горят поселения, тела родных своих на пепелище, и над всем этим – Витарр, сжимающий в беспалой руке окровавленный меч.

– Нам нужно идти.

Как не хочет он продолжать путь! Лечь бы на горячий песок, отдать тело свое волнам да раствориться в них, позабыв обо всех бедах, что выпали на его долю. Удел слабых бежать от Судьбы, а Радомир себя таковым не считает. Он делает глубокий вдох, удобнее перехватив костыль, и медленно поднимается на ноги, ухватившись за руку поднявшейся с камня северянки. С неохотой принимает ведун ее помощь, но понимает, что теперь, когда приходится она ему сестрой, должен постепенно привыкать к ней. Ренэйст и самой не легче, только хватается ей такта не высказывать столь явно свое недовольство.

Ее сдержанность только сильнее его злит.

За весь нелегкий путь они делают еще несколько остановок. Ни слова не звучит между ними, ни единым взглядом не обмениваются. Лишь двинутся на север, оставляя за собой неровную цепочку следов на песке. Все сложнее после каждого нового привала вновь подниматься на ноги для того, чтобы продолжить идти. Когда жажда и голод лишают сил окончательно, больше не встают они с теплого песка. Усталость оказывается сильнее страха.

Океан лижет ему пальцы раскинутых в стороны рук, но Радомир так ослаб, что даже пошевелиться не может. Вода дарит лживое ощущение прохлады и облегчения, но никак не восстанавливает потерянные силы, не залечивает раны. Это мертвая вода, соленая, и воспользоваться ею для исцеления ведун не сможет при всем своем желании. Он смотрит в окрашенное алым заревом небо, где смешиваются день и ночь, и медленно выдыхает, закрывая глаза.

Если бы только словами можно было описать, насколько он обессилен. Кажется, словно проще и вовсе исчезнуть, чем продолжить ощущать подобное. Ведун закрывает глаза и отдает себя безмолвию.

– Не засыпай, – раздается возле уха слабый женский голос.

Он устал настолько, что вряд ли сможет подняться. Почему бы немного не отдохнуть? Они шли так долго, что удивительно, как это силы не покинули их много лиг назад.

Волосы Ренэйст разметались по песку. Скосив взгляд, Радомир видит солнечные блики, пляшущие на серебряных бусинах, что вплетены в тонкие косы. Это зрелище кажется ему удивительным; словно вблизи звезды, которых он никогда в своей жизни не видел. Могут ли звезды быть так близко? Может, северяне и вовсе собирают их, упавших с небосвода, в плетеные корзины, а затем используют вместо факелов?

Мысль эта заставляет его коротко улыбнуться. Он представляет суровых северных воинов, рыскающих в снегу в поиске звезд. Совсем не это он должен представлять, столкнувшись с ними на поле боя.

Северянка лежит на песке подле него, и если он совсем немного сдвинет руку в сторону, то сможет коснуться ее пальцев. Дочь снега и ночи, носящая морозную полночь в своих волосах, она, как говорят легенды, должна осыпаться

кристаллами льда от малейшего его прикосновения.

Она, просящая его не засыпать, сама погружается в сон. Радомир замечает, как выравнивается ее дыхание, как трепещут белые ресницы. Сейчас Ренэйст совершенно не выглядит опасной и воинственной. Самая обыкновенная девчонка. Такая же, как и его Весна.

Ничего не происходит, когда он прикасается к ее пальцам. Кожа Ренэйст теплая, и, прислушавшись, Радомир может услышать, как бежит северная кровь в тонких ее венах. Утомленная, она никак не реагирует на его прикосновение, и, закрыв глаза, ведун проваливается в беспмятство следом за своей спутницей.

Она вдыхает так, как делает вдох утопающий, вынырнувший из мутной холодной воды – жадно, полной грудью. Над головой вместо неба – знакомый с детства кусок льняной ткани, прикрепленный к деревянной балке под потолком, играющий роль шатра. Сквозь крошечные дыры в ткани, образовавшиеся от старости, пробивается теплый оранжевый свет, отбрасывая причудливые тени на противоположную сторону. Будучи ребенком, она любила находить в этих таинственных узорах различные фигуры, проигрывая в голове сюжеты знакомых сказок. Ренэйст крепко жмурится и вжимается затылком в подушку, обхватив ладонями свое пылающее лицо.

Этого просто не может быть. Как она могла здесь оказаться? Кораблекрушение, Солнце и Луна на одном небе, горячая кровь, капающая с ладони на песок во время ритуала братания... Ведун с глазами злыми, но безумно одинокими.

Неужели сон?

Протянув руку, воительница ведет ладонью по легкой ткани, кожей ощущая линии вышитого на ней узора. Если бы это был сон, ощутила бы она хоть что-нибудь? У Ренэйст нет дара, которым обладают вельвы, чтобы сны ее обращались в видения, поэтому сном это быть не может. Уж слишком явно ощущает она мир вокруг себя.

Но тогда набег, в свою очередь, был излишне реальным сном? Жар сжигаемых деревень, чужая кровь на собственной коже, тяжесть меча, все это Ренэйст ощущала не менее явно, чем постель, на которой лежит.

От этих мыслей становится сложно дышать. Словно невидимые руки стискивают шею, давят на глотку, вынуждая сглатывать нервно, от чего становится только хуже. Этот невиданный доселе страх заставляет зажмуриться крепко, ощущая, как в уголках глаз застывают слезы.

Это все неправда. Неправда. Неправда. Не...

– Ренэйст? Ты проснулась?

Голос матери заставляет сесть и рывком отодвинуть в сторону полог шатра. Ужасное ощущение постепенно отступает, оставаясь легким осадком на коже, но сейчас оно вовсе не имеет никакого значения. Ренэйст видит кюну, сидящую подле пламени очага, и нет на ее лице болезненно знакомой печали. С радостной улыбкой смотрит Йорунн на свою дочь, продолжая скользить гребнем по своим золотистым волосам, и тихо смеется, заметив изумление в голубых глазах.

– Что с тобой, волчонок? – ласково спрашивает кюна. – Плохой сон увидела?

Мысли в голове путаются подобно клубку пряжи, упавшему с колен ткачихи и покотившемуся по полу. Не знает Ренэйст, что ответить, происходящее кажется ей сном. Все совсем не так, как она привыкла, не так, как жила она долгие годы. Разве все, через что прошла она, могло присниться?

Но сейчас она сидит на своей постели, в доме, в котором прошло ее детство. Чувствует жар очага, видит мать, движения ее рук, пока расчесывает она полотно своих волос, и теряется только больше. Ренэйст чувствует себя совсем как тогда, в далеком детстве, когда холодной ночью вышли они из дома и затерялись в лесу. Только теперь она одна, и вместо леса – ее собственные сны.

– Я...

Ее прерывает громкий мужской смех, доносящийся снаружи. Дверь конунгова дома распахивается, и внутрь вваливаются трое мужчин, закутанных в звериные шкуры с ног до головы. Они смеются, стряхивая с себя снег, и прежде, чем дверь закрывается, Рена успевает увидеть тушу крупного оленя, брошенную в сугробе. Сколько же длилась охота, раз удалось им найти живого оленя в мертвом лесу?

Сейчас дичь в пищу вскармливают для них солнцерженные рабы, оттого всегда есть мясо на их столах, но чтобы раздобыть дикого оленя... Чудеса, не иначе.

Один из них, смеясь, поворачивает к ней голову, и Ренэйст видит блестящие карие глаза в прорези между меховой шубой и шапкой. Этот взгляд кажется ей знакомым, но в то же время чужим, как и все в этом доме. Ренэйст напрягается, не зная, чего ей ожидать, и крепче стискивает пальцами край постели. Мужчина снимает перчатки, кидает их куда-то в сторону – кажется, на постель, – и громко говорит:

– Глядите-ка, проснулась! Сейчас будет обижаться, что мы на охоту без нее ушли!

Ренэйст смотрит на него огромными глазами, и в горле у нее встает ком. Она знает, кому принадлежит этот голос, но никогда не слышала его столь... радостным. Медленно опускает ноги со своей постели, но не спешит вставать, наблюдая за пришедшими.

Ее брат потерял всю свою радость на берегу рокового озера.

Но он снимает шапку, вешает на крюк тяжелую шубу, и Ренэйст видит перед собой Витарра. Брат пересекает широким шагом комнату и, положив ладонь на плечо матери, легко целует кюну в макушку, заставив ту тихо засмеяться. На левой руке у него пять пальцев, и словно бы не было той ужасной ночи, когда боги жестоко наказали их за непослушание. Ренэйст сжимает пальцами мех, коим укрывается во время сна, и не сводит с него дикого взгляда. Ловит тот на себе ее взгляд, смотрит внимательно глазами карими, отцовскими, и, улыбнувшись, подмигивает озорно, заставляя сестру вздрогнуть от неожиданности.

Этого не может быть. Витарр никогда не вел себя подобным образом по отношению к ней, он ни с кем таким не был! Нелюдимый, он держался стороной от людей, ходил тайными тропами, что ведомы только волкам. Лишился пальцев, почерневших от ледяной воды, был дик и груб. Ренэйст никогда не видела подобную улыбку, обращенную к ней.

Настолько она погружается в тяжелые свои размышления, что даже не замечает, как к ней приближаются. Грубые пальцы стискивают подбородок, мягко вынуждая поднять лицо, и Белолунная дергается, желая избежать чужого прикосновения. Над головой у нее звучит тихий смешок, крепкая ладонь опускается на плечо, а губы прижимаются к макушке так знакомо, что начинает щипать в глазах. В ноздри бьет терпкий мужской запах, смешанный с еловой смолой и кровью, запах войны и леса, и, подняв руки, она запускает пальцы в мех полушубка у него на груди, притягивая ближе к себе.

Она скучала. Она так безумно скучала, словно бы всю жизнь его не видела. Поднимает руки выше, обнимает за шею, чувствуя, как руки его сжимают ее в ответных объятиях. И больше ничто ей не нужно, Ренэйст готова замереть так до самой своей смерти. До тех самых пор, пока сердце ее не перестанет биться.

– Хакон...

– Что-то ты сама не своя, – Медведь опускается перед ней на одно колено, тревожно глядя голубыми глазами. – Тебе плохо, любовь моя?

Что ей сказать? Слова покидают распахнутые губы, обратившись черными птицами, и в голове у нее одна лишь пустота. Так сложно поверить, что ничего не было! Ни посвящения, ни ведуна. Она ведь столь ясно видела светлое небо, и огонь над городами солнцерженных, и блестящую от воды изумрудную чешую морского змея...

Столь явно чувствовала, что тонет. Возможно ли такое?

Потому в ответ на его тревожный вопрос может она лишь покачать головой. Хакон не верит ей, слишком хорошо знает, когда волчица его лжет, и хмурит темные брови, оглаживая ладонями девичьи предплечья. Ренэйст в глаза ему не смотрит, все отводит взгляд, и столь это на нее не похоже, что волнуется он только сильнее.

Ренэйст ощущает его беспокойство. Чувство вины обжигает ей горло.

– Полно вам, – звучит глубокий мужской голос, знакомый и незнакомый одновременно, – она только проснулась. Сейчас пройдет со мной, чтобы проверить силки, и мигом придет в себя.

Голос этот сладок и терпок, окутывает и греет подобно мягкому меху в холодную ночь. Опираясь о руки своего возлюбленного, Ренэйст вытягивает шею, заглядывая за его плечо. Мужчина, которого видит она перед собой, ей незнаком, и стоит он так, что ей не видно лица. Словно намеренно скрывается, вынуждая воительницу поджимать губы от злости. Тянет с себя теплую шубу, разминает шею и оборачивается к очагу, позволяя его свету упасть на свое лицо.

Изумленная, Ренэйст смотрит на него едва ли не испуганно. Опираясь о плечи Хакона, конунгова дочь поднимается на ноги, проговорив сдавленно:

– Хэльвард...

Это действительно он, иначе и быть не может. Она видит голубые глаза, что достались им от матери, и темные волосы их отца. На вид ему чуть больше двадцати зим, а ведь столько бы ему было, если бы не оказался он на хрупком льду Зеркала Вар. Хэльвард выглядит абсолютно спокойным и таким живым, что Ренэйст отчаянно хочется верить в то, что долгие двенадцать зим были лишь ужасным сном. Ренэйст бежит к нему, ступая босыми ногами по деревянным доскам, и заключает в крепкие объятия. Великий Один, как сильно она хотела вновь прикоснуться к нему!..

– Неужели успела соскучиться так сильно за то время, что мы были на охоте, волчонок? – с усмешкой спрашивает он.

И Ренэйст отвечает:

– Ты не представляешь, как сильно.

Уткнувшись носом ему в грудь, Ренэйст не видит, как Хэльвард, Хакон и Витарр переглядываются. Последний, сидя на своей постели, лишь пожимает плечами, снимая сапоги; ему поведение сестры вовсе не кажется странным. Приснилось что-то плохое, что такого? Словно бы им страшные сны не снились. Зная, сколь сестра впечатлительна, Витарр не был бы удивлен, если бы Ренэйст встретила их в слезах. Белолунная только храбрится, вид делает, словно бесстрашна, а в душе-то она все тот же ребенок. Сделав глубокий вдох, Хэльвард мягко сжимает плечи сестры, отстраняя ее от себя, и с улыбкой говорит:

– Добыча не будет долго ждать в силках.

Он прав – добыча не будет ждать. Воодушевленная возможностью покинуть душный дом, Ренэйст отпрыгивает от Хэльварда, принимаясь одеваться. Торопясь, юрко скользит по дому, попутно собирая вещи. Обувает на ноги теплые сапоги, обитые мехом, прыгая на одной ноге под смех братьев, ищет свою рубаху, ругаясь под нос. Ренэйст не любит столь поспешные сборы. Она заплетает волосы в косу, позволяя отдельным прядям вольно падать на спину и подле лица, целует в макушку мать, пробегая за ее спиной, и закидывает поверх шубы колчан со стрелами. Брат распахивает двери, и одним прыжком выскакивает Волчица за порог, позволяя холоду окутать тело. В небесах над Чертогом Зимы все так же царствует Луна, и от света ее становится спокойнее.

Она дома. Плаванье, должно быть, привиделось ей.

Выходя следом, Хэльвард мягко хлопает сестру по плечу и шагает между заснеженных домов в сторону ворот. И, стоит ему пройти мимо, волнение вновь накрывает подобно штормовой волне. В последний раз, когда они вдвоем покидали безопасный очаг, случилась беда. Неприятное предчувствие накатывает на нее, остается комом в горле, заставляет колени подкашиваться. Рена сжимает пальцами крепление колчана у себя на груди, беспокойно смотря ему в спину. Не сразу делает конунгова дочь шаг, следуя за братом, но не рискует оглянуться и посмотреть на отчий дом. Словно бы тогда уж точно больше в него не вернется.

Чертог Зимы словно спит. От крыш редких домов поднимается дым, на снег из окон падает свет от огня, но они не видят людей. Скрипит снег под сапогами, пар мутными облачками срывается с губ, и стук сердца продолжает оглушать. Ренэйст кажется, словно бы голова идет кругом, но упрямо она продолжает шагать за братом, по щиколотку проваливаясь в снег.

Кажется ей, что в этот раз путь от дома до ворот проходит гораздо быстрее. Словно бы в пару шагов умещается, и от этого становится только спокойнее. Насколько ей помнится, все совсем иначе, и через все поселение нужно пройти для того, чтобы оказаться здесь. Так почему же в этот раз путь занял так мало времени?

В отличие от нее, Хэльвард абсолютно спокоен. Он перешучивается со стражниками, пока они распахивают для них ворота, в то время как Волчица может выдавить из себя лишь неловкую улыбку, больше похожую на оскал.

Беспокойство плещется в ней, как море, по которому драккары добираются до солнечных берегов. Ренэйст старается утопить тревоги в этом море, но все выходит совершенно наоборот.

Это страхи топят ее.

Каждый шаг в сторону леса дается с трудом, словно бы ноги врастают в мерзлую землю, сокрытую под снегом. Дыхание сбивается, шум крови в ушах заглушает все звуки. Ренэйст кажется, что тысячи голодных глаз смотрят на нее из-за деревьев. Так страшно не было даже в ту роковую ночь, но ведь тогда она была ребенком, которому казалось, что ничто не может навредить ей, пока братья рядом. Сейчас же, познав всю жестокость мира, Ренэйст знает – ничто не сможет защитить, если беда действительно настигнет ее.

Да и была ли та ночь на самом деле?

– Ренэйст.

Остановившись, смотрит она на старшего брата, что глядит на нее ласково. Хэльвард улыбается, и его темные волосы, не заплетенные в косы, мягкими волнами падают вдоль лица, очерчивая острую линию нижней челюсти. В лунном свете голубые глаза кажутся почти прозрачными, околдовывающими, и Рена не может отвести от них свой взгляд.

Хэльвард кажется ненастоящим. Коснешься – и рассыплется хлопьями снега.

– Все в порядке, волчонок, – говорит он, – это просто лес.

«Просто лес, – повторяет она про себя. – Всего лишь лес».

Кажется, однажды она уже убеждала себя в подобном. Не в ту ли ночь, когда отроки вышли на испытания, Ренэйст говорила себе, что лес – это просто лес? «Не ходи в лес один, коль хочешь жить» – вот что с младенчества знают волчата,

но ведь она не одна. Белолунная глубоко дышит и шагает за братом, позволяя ему увести себя в самую чащу. Хэльвард пропускает сестру вперед и идет следом, позволяя выбрать тропу.

Силки расставлены в тех же местах, в которых она сама их ставит; даже искать не приходится. Первые, которые встречаются им, пусты, добыча либо избежала ловушки, либо успела выбраться. Брат и сестра собирают их, складывают и убирают в сумки, не проронив ни слова, ощущая спинами пристальный взгляд леса. Между лопаток у нее словно бы загорается огонек свечи, который разрастается в самый настоящий костер. Ренэйст решает перейти в другой конец поля, сказав брату, что хочет проверить ловушки в тех местах.

Лес тих, словно бы спит. Ни шороха, ни шелеста. Даже редкие голоса зверей не доносятся из чащи, пока шагает она по снегу, пересекая поляну. Кажется Ренэйст, что тот даже и не скрипит под ее сапогами. Возможно ли это? Стволы деревьев бросают неровные тени на белоснежный покров, и кажется ей, словно бы те слегка покачиваются. Но ветра нет, и это невозможно. В остальном лес абсолютно спокоен.

Это спокойствие не кажется ей безопасным, но Ренэйст уверяет себя в том, что всему виной сон, который она видела. Дым над поселением солнцорожденных, кораблекрушение и, главное, смерть Хэльварда; все это ей лишь привиделось. У дочери конунга нет дара, коим обладает вельва, потому нет смысла считать, что сновидение вещее.

- Сестра!

Вздрагнув, оборачивается она, ожидая худшего, и с тревогой высматривает среди черных стволов деревьев силуэт брата. С победной усмешкой поднимает Хэльвард над головой тушку перепелки, сжимая сломанную шею в руке. Птицы редко попадают в ловушки, на воле их осталось мало; тех птиц, что готовят к столу северян, солнцорожденные выращивают в Доме Солнца. Каждому ведомо, что вольная птица куда вкуснее домашней, и тот, кто поймает ее, обеспечит себя не только ужином, но и новой байкой, которую можно рассказать за столом. Довольный собой, за голову крепит он мертвую птицу к своему поясу, не решаясь разделывать тушу на морозе. Пух и перья хранят тело в тепле, и, если птицу ощипать, холод сразу повредит мясу, значительно испортив вкус.

Его радость заставляет Белолунную улыбнуться. Остатки тревоги покидают ее, и уже предвкушает она, каким вкусным будет птичье мясо. Перепелки той не то чтобы много, но урвать у Хэльварда кусочек ей по силам. Когда это он отказывал в чем-либо любимой младшей сестре?

Добравшись до противоположной стороны поляны, останавливается Ренэйст, взглядом стремясь найти поставленные Хэльвардом силки. Обычно сама она не использует место это для охоты. Лунный свет почти не касается заледенелых еловых ветвей, склоняющихся до самой земли, и добыче легко оказаться незамеченной. Удивительно, что Ганнарсон, великий и могучий охотник, выбрал подобное место.

Или, быть может, не такой уж он и умелый охотник?

Слегка слипшийся от инея белый мех она замечает лишь тогда, когда подходит к силкам совсем близко. Ловушка перехватила заячью шею, и тот сам задушил себя в попытках вырваться. Конечно, мясо куда нежнее, если добыча умерла без страха, да только в таких условиях охоты выбирать не приходится. Раньше охотники сворачивали зайцам шею еще до того, как те понимали, что попались, но на таком холоде вряд ли можно провести долгое время неподвижно, ожидая, когда кто-то попадется в твои силки. То, что в этих силках кто-то есть, – уже радость.

Ренэйст опускается на одно колено, протягивая руку, и проводит ладонью по покрытой тонким слоем льда шерстке. Когда ее стрела впервые пронзила мягкую плоть, она заливалась слезами, сжимая плечи лука в руках. Ганнар конунг стоял над ней, положив ладонь на сокрытую меховой шапкой макушку дочери, и сказал ей одно лишь короткое:

– Либо ты, волчонок, либо тебя.

Когда она выросла, оказалось, что это правило распространяется не только на охоту.

Сняв силки с шеи зайца, она убирает их в холщовую сумку, поднимая тушку за уши. Встав на ноги, Белолунная оборачивается, желая показать свою добычу брату, но едва не бьется носом о крепкую грудь Хэльварда. Она ведь даже не услышала, как он подошел так близко! Руки брата стискивают ее плечи с такой

силой, словно бы он хочет сломать их. Ренэйст замирает под его взглядом, как добыча перед хищником, выдохнув:

- Хэльвард...

- Рэнейст, - произносит он, - ты должна проснуться.

Ворон, сидящий на верхушке дерева, пронзительно каркает, взмахнув крыльями. Он взлетает, и в ту же минуту остальные деревья осыпаются множеством кричащих черных птиц, затмевающих собой небо. Ренэйст хочет закрыть уши руками, лишь бы не слышать этих ужасных криков, но стоит последней звезде исчезнуть с небосвода, как наступает звенящая тишина. Нет больше ни добычи, ни силков, ни Луны, ни звезд. Только они с братом, окруженные непроглядной тьмой.

Крепко зажмурившись, Ренэйст стискивает зубы, вцепившись пальцами в рукава его теплой шубы, пытаясь убрать от себя руки Хэльварда, но он не отпускает. Волчица мечется, стремясь вырваться, чувствует себя загнанной в клетку, и юноша встряхивает ее с такой силой, что зубы девушки болезненно бьются друг о друга.

- Посмотри на меня, Ренэйст!

Ей не хочется. Ей совсем не хочется. Ренэйст боится настолько, что просто не может заставить себя сделать это. Только вот власть Хэльварда оказывается сильнее страха. Подчиняясь его словам, Рена медленно открывает глаза, поднимая взгляд на брата, и оглушительно ахает. Губы у него синие, под кожей виднеются темные вены, а в глазах бельмо. Волосы мокрые и покрыты инеем, словно бы он только что вышел из воды, и эта мысль пронзает ее подобно стреле.

Хэльвард утонул. Он мертв.

- Брат... - пораженно выдыхает она.

- Ты умираешь, и владычица Хель играет с тобой, Ренэйст. Она прядет паутину, заставляя тебя видеть то, чего ты так страстно желаешь, но это - обман. Когда

силы покинут тебя, она увлечет тебя в свое царство, и тогда...

Он смотрит куда-то поверх ее головы, и его хватка лишь крепнет. Что бы ни видел он там, оно не радует его, даже пугает. В этой звенящей тишине Ренэйст слышит только собственное тяжелое дыхание. Она замирает, не в силах заставить себя обернуться, чтобы увидеть, что скрывается позади. Хэльвард поддается вперед, и его холодные губы касаются девичьего лба. Ренэйст закрывает глаза, чувствуя его дыхание на своей коже; оно пахнет смертью и тиной.

– Я люблю тебя.

Его руки толкают ее с такой силой, что у Ренэйст нет ни единого шанса, чтобы устоять на ногах. Она даже не вскрикивает, лишь откидывается назад, не сводя взгляда со своего брата. Хэльвард смотрит на нее с таким сочувствием, словно бы мертв вовсе не он, и медленно кивает головой. Спиной она проламывает крепкий лед, и зловещая тишина этого места наполняется предсмертным звоном разбитого зеркала.

Вновь это озеро.

Студеная вода заполняет ее нутро, стоит распахнуть губы для крика. Вязкая и тяжелая, она ощущается жидким железом, обжигающим кости. Собственные волосы мешают видеть, одежда тяжелеет, увлекая на дно. Самый страшный ночной кошмар ее становится явью, от него не сбежать, не скрыться. Ренэйст сопротивляется, рвется к свету, пытаясь дотянуться до тонких серебряных лучей, что пробиваются сквозь осколки льда, но все усилия ее тщетны. Ил станет для нее могилой.

Она не готова сдаваться так просто. Ренэйст связана долгом и не может погибнуть до тех пор, пока не исполнит его. Жмурится крепко, обнимает себя за плечи, тянется к жизни, что покидает ее, просачиваясь сквозь кожу.

Она должна проснуться, иначе умрет.

Должна проснуться, иначе умрет.

Проснуться, иначе умрет.

Иначе умрет.

Умрет.

Хлесткий удар приходится по левой щеке, и Ренэйст открывает глаза. Делает рваный вдох, закашлявшись, чувствует вкус озерного ила на своем языке и пробирающий до костей холод. Страх охватывает ее, только что вырвавшуюся из объятий самой владычицы Хель, когда чья-то ладонь накрывает рот. Она стискивает пальцами чужое запястье, царапая кожу короткими ногтями, желая вырваться, когда знакомый голос хрипло называет ее имя:

– Ренэйст.

Прекратив сопротивляться, Белолунная замирает и медленно открывает глаза, глядя на ведуна, что нависает над ней.

Это был сон. Все, что произошло с ней, было сном. Витарр никогда не был счастливым. Хэльвард не стал взрослым. Она не была свободной. Испытание, набег, происшествие на озере – вот что было горькой правдой с самого начала. Все, что она пыталась забыть, все, что не случилось в сладком дурмане, все это было правдой.

Их взгляды встречаются, и Радомир прижимает палец к своим иссохшим губам, велев молчать. Убирает руку от ее лица и, перехватив за запястье, помогает сесть на песке, кивком головы указав куда-то за спину северянки. Он напряжен, даже взволнован, и не знает Ренэйст, как вести себя сейчас. Взволнованный, ведун продолжает смотреть ей за спину, и холод проходит по хребту.

Хэльвард тоже так смотрел.

– У нас проблемы.

После столь ужасного сна ее мутит, но конунгова дочь с трудом берет себя в руки. Сейчас не время для слабости, уж вряд ли ведун был столь напуган, если

бы ничего не грозило им. Обернувшись, она приподнимается и выглядывает из-за камня, ставшего им укрытием. Видимо, Радомир оттащил ее сюда, проснувшись первым.

– Одинова борода! – шепчет северянка, слегка пригнувшись, чтобы ее не было видно за камнем. – Кто это?

Всадников четверо. Их головы обтянуты плотными тканями, скрывающими лица, а под мощными копытами скакунов вздымается песок. Ренэйст видит оружие на их поясах, изогнутые клинки, пляшущие в свете Солнца; ее лук сейчас, должно быть, покоится на океанском дне, где должна была оказаться и она сама. Им, истощенным, не справиться с ними в бою. Переговариваясь на незнакомом языке, – или же она столь сильно ударилась головой, что не может узнать знакомую речь? – всадники осматривают обломки кораблей, и, догадавшись, что они делают, Белолунная с силой стискивает челюсти.

Если кто-то из богов еще жив, то они оба у него не на хорошем счету.

– Стервятники.

– Что? – переспрашивает Радомир, пристроившись рядом с ней.

– Стервятники, – повторяет Ренэйст, хмурясь. – Падальщики, ищущие наживы в потерпевших крушение кораблях.

В ее родных краях тоже есть подобные люди. Лишенные чести – как воинской, так и человеческой, – они грабят корабли, попавшие в ледяную ловушку, и упиваются своим бесчестием. Стервятниками становятся те, кто не прошел испытание, кто опозорил свой род. Те, у кого нет цели, нет жизни, нет имени. Таковую судьбу пророчили и Витарру, пока лежал он в горячке после ледяных вод озера. Его называли падалью, гнилью, утверждали, что он не выживет, а даже если так, то нигде ему не будут рады.

Но сейчас нет времени на воспоминания о былом. Ей следует думать о собственной жизни. И Ренэйст достаточно умна для того, чтобы понимать, насколько бедственное их положение.

Им не убежать; больная нога не позволит ведуну передвигаться быстро, чтобы скрыться от всадников. Радомир и сам это понимает, наблюдая за тем, как постепенно вооруженные мужчины подбираются к ним. Столкновения не избежать, но ни он, ни она не смогут дать отпор. Ослабевшие, безоружные, что смогут они сделать?

Ведун кладет ладонь на затылок посестры, рывком заставляя опуститься вниз, скрываясь за острыми скалами, и сам прижимается спиной к нагретому Солнцем камню, закрывая глаза. Сердце бьется где-то в горле, от волнения потеют ладони. Он слишком слаб для того, чтобы использовать свой дар.

Но жить хочется им обоим.

- Нам нужно пройти мимо, - шепчет Ренэйст.

Заслышав ее, Радомир поворачивает голову и хмурит брови. Слегка приподнимается ведун, заглядывая за камень; четверо всадников в двух десятках локтей от них. Как Ренэйст собирается незаметно пройти мимо, если даже покрытая грязью она - белое пятно на песке? Они заметят ее сразу же, как только Волчица встанет на ноги, и сбежать не удастся.

Ренэйст не хочет сдаваться. Указывает северянка куда-то в сторону, ближе к скале, у подножия которой расположились острые пики. Коль добегут до тех скал - получат шанс на спасение, да куда Радомиру бежать с такой ногой?

Они должны хотя бы попытаться, пока есть даже крошечный шанс.

Их взгляды встречаются, и ведун кивает, соглашаясь. Медленно поднимается северянка с песка, пригнувшись, чтобы не было ее видно, и делает глубокий вдох, прикрыв глаза. Только даже если кажется, что остается незамеченной, для опытных следопытов это вовсе не так. Слышит она дикую, незнакомую речь совсем рядом и делает рывок вперед. Ренэйст спотыкается, ноги скользят по горячему песку, но она продолжает бежать. В одно мгновение весь мир исчезает, словно бы и нет никого больше, лишь она и песок. Даже Радомир прекращает существовать, след от ножа на ладони, оставшийся после ритуала, исчезает вместе с ним.

Она хочет жить. Она так сильно хочет жить.

Не смотрит по сторонам, лишь манят безопасные скалы, сулящие обманчивое спасение. Позади нее раздаются яростные крики схваченного Радомира, всадники подгоняют лошадей, победно улюлюкая. Скалы все ближе, силы покидают северянку. Дыхание становится тяжелым, кости ломит от боли, и, несмотря на упрямство, Ренэйст больше не может бежать. Тугая веревка с закрепленными на ее концах тяжелыми грузами крепко обхватывает лодыжки, лишая равновесия.

Ренэйст падает на песок, и склонившийся над ней всадник закрывает собой Солнце.

Глава 3. Погребальный костер

Кюна хранит молчание с тех пор, как корабли вернулись в Чертог Зимы.

Она сидит подле огня, сжимая в руках тряпичную куклу, принадлежавшую Ренэйст, и тихо плачет, не сводя взгляда с игрушки. Некогда нежная и ласковая Йорунн стала осколком льда, лишившись двоих детей, тенью себя прежней. Лишь иногда тихий всхлип срывается с дрожащих губ, и никто не стремится мешать ее горю.

Стоит Витарр на пороге, но не может войти в отчий дом. Слышит тихий плач матери, да неутешает ее. Запрокидывает голову, смотря на безучастную Луну, сияющую на небосводе, хмурит густые темные брови, прикрывая глаза и медленно выдыхая.

«– Ублюдок!

Конунг бьет раньше, чем нескольким мужчинам удастся его скрутить. Брызжет слюной, прожигая сына яростным взглядом, и вырывается, стремясь добраться до него. Подобно зверю хрипит и рычит Покоритель, и требуются трое, чтобы удержать его на месте.

– Сначала ты забрал моего сына, – рычит он, и, глядя на него снизу вверх, Витарр не может отвести взгляда от лица отца, в уголках губ которого пенится слюна, – а теперь отнял мою дочь!

Витарр вздрагивает, когда крепкая рука хватается его за загривок, но не пытается вырваться. Он встает на слабые ноги, когда Ульф Бурый рывком заставляет подняться, придерживая своего воспитанника, положив ладонь ему на лопатки.

– Выродок Локи! Гореть тебе в пламени Муспельхейма!»

Ренэйст не могла умереть.

Не волнует его ненависть отца, как не волнует и то, какая судьба уготована ему самому. Он привык ощущать себя изгоем и убийцей, но никогда не желал зла Ренэйст. Брат и сестра по крови, не товарищи они друг другу, а узы, связывающие их, тоньше конского волоса. Только не остановило это Белолунную, не помешало пойти на риск, проведя Братоубийцу на борт драккара. Зло качает Витарр головой; что теперь толку думать об этом? Поплатилась она за свою доброту, и теперь тело любимой конунговой дочери качает колыбель мертвых южных вод.

Старшего отдали пресной воде, младшую – соленой. Один он остался, не живой и не мертвый.

За тяжелой дубовой дверью повисает тишина, и Витарр напрягается, вслушивается. Кто знает, что сделает с собой безутешная женщина? Всегда матери ближе дочери, а кюну и без того лишили ее в ту пору, когда погиб Хэльвард. Вместо того чтобы вскармливать ее, обучать женским премудростям, Йорунн наблюдала лишь со стороны, как растет Ренэйст заменой погибшему брату. Даже из лука заставили научиться стрелять, забрав прялку и велев ступить на воинский путь. Быть может, тешила себя Йорунн надеждами на скорое рождение внуков, а теперь нет у нее детей, что продолжат их род.

Кто знает, что сделает с собой безутешная мать?

Витарр тянет было руку, чтобы, распахнув дверь, оказаться рядом, пресечь необдуманный шаг, но до слуха его доносится сдавленный всхлип, и выдыхает

Братоубийца. Должен ли радоваться он тому, что она плачет? Но так он знает, что мать жива. Нет ничего, что могло бы быть важнее этого.

Сжав и разжав пальцы, убирает он руку от двери, прижимаясь к заледеневшей древесине лбом. Кажется ему, что Йорунн не обрадуется, если он подойдет к ней. Не приголубит, не приласкает. Простила она ему смерть Хэльварда, но Ренэйст не простит.

Ненависть матери принять он не готов. Оставив кюну наедине со своим горем, Витарр уходит прочь.

Скрипит снег под тяжелыми его сапогами, когда, обогнув Великий Чертог, хромая, идет он в сторону Дома Солнца. Накидывает на темную свою голову глубокий капюшон, скрывая лицо в тени, и держится стен домов, скрываясь от бдительных взглядов стражников. После произошедшего люди обозлились на него лишь сильнее. Стоит ли удивляться? Ренэйст всеми любима, надежда своего народа, будущая правительница. Подруга, дочь, возлюбленная.

Если б не Ульф, конунг еще в море вырвал бы сердце из его груди, оттого и нет у него желания лишней раз попадаться ему на глаза. Никогда Ганнар Покоритель не поверит в то, что сожалеет Витарр о гибели своей сестры. Охотней примет он то, что его, ублюдка, тайком выносил Локи из колыбели, отдавая великанше Ангрбоде – той, что приносит горе, – дабы та вскормила Братоубийцу своим молоком.

Коль отпрыском Локи считают его, то единственная сестра, что есть у него, – владычица Хель, а Фенрир и Ермунганд приходятся ему братьями. Что ему горевать по каким-то волчьим детям?

Но он горюет, и горе это, безутешное, скрыто во тьме за его ребрами.

Он видит его выходящим из Дома Солнца и останавливается, желая остаться незамеченным. Нечасто можно встретить его в этой части Чертога Зимы, но Медведя нельзя с кем-либо спутать. Тень печали омрачает лицо Хакона, останавливается он на самом пороге и замирает, глядя на холодный лик Луны, не моргая. Ни слова о случившемся не сказал берсерк ему после плавания, оно и к лучшему. Коль и винит его, как и все вокруг, только держит в себе. Не хочет Витарр оказаться рядом, когда ярость переполнит чашу его духа, и тогда зверь

вырвется из его грудины. Отступает Витарр назад, ступая след в след, но снег скрипит, и в полной тишине бесконечной ночи звук этот кажется оглушительным. Хакон закрывает глаза, облачко пара срывается с губ его, когда он, выдохнув, произносит:

- Тьма больше не скроет тебя от чужих взглядов, Витарр Братоубийца.

Хмурится Витарр от слов этих, но выходит вперед, стремясь скрыть хромоту. От уголка левого глаза по скуле вниз к шее проложила себе по лицу Хакона путь глубокая рана, обещающая остаться на коже шрамом. Напоминанием о случившемся крушении прослужит она до тех пор, пока не шагнет воин под рухнувшие своды Вальхаллы. Никогда ему не забыть о своей потере. Витарр останавливается, между ними – от силы десять локтей, но нет в нем ни волнения, ни страха. Ничего, кроме сожаления, не осталось в его сердце, и потому голос его спокоен, когда звучат его слова:

- Нечасто навещаешь ты солнцорожденных, Хакон.

Ухмыляется Медведь.

- Желал узнать ответ на свой вопрос. Как оказалось, в этом ведуны не отличаются от вельв.

- И каков же ответ?

Вновь возводит Хакон взгляд к Луне и полнится болью утраты подобно кубку, в который льется яд. Обжигает тоска изнутри, душит длинными пальцами, а холод лишает сил. Что ему теперь победы и битвы? Что до света холодных звезд и блеска льда в бледном сиянии небесного ока?

- Им это неведомо.

Лишь глупец не догадается, что за вопрос тяготит думы Хакона. Каждый, кто был в тот миг на борту кнорра, видел, как исчезла Ренэйст в соленых водах. Как могла остаться она живой? Богиня Ран заберет в свои пенные чертоги каждого, кого поймает в сети. Боги, хоть и мертвые, но всегда получают все что хотят.

Быть может, в ту ночь, на Зеркале Вар, должны были погибнуть они с Ренэйст. Быть может, он следующий.

Витарр отворачивается, и взгляд его падает на стену, ограждающую Чертог Зимы от леса. Там, на заснеженном холме, готовят погребальный костер для его сестры. Когда на земли северян опустилась вечная зима, они перестали возводить курганы, ведь почва промерзла настолько, что даже мертвым не осталось места в ее чреве. Смерть больше не несет в себе чести, лишь слезы и боль. Каждому ведомо, что дух погибшего воина не попадет на порог Вальхаллы, а иные души не примет у себя владычица Хель. Неизвестно, что ожидает их после гибели, оттого не торопятся они умирать.

Замечает, что и Хакон смотрит в ту сторону; каково ему будет хоронить любимую женщину? Он был на борту кнорра, когда это произошло. Мог спасти ее, но Ренэйст предпочла сохранить жизнь какой-то рабыни. Сестра его всегда была слишком добра, и это ее сгубило.

Хакон едва ли не с детства мечтал о ней. С тех самых пор, как конунг привел его из набега, холодного и одичалого. Должен был заменить Ренэйст Хэльварда, а стал ей вовсе не братом. Не одобри Покоритель этот союз, никогда бы не позволил оборванцу посмотреть на свою драгоценную дочь. Только вот едва ли не больше, чем сами возлюбленные, ждал он их свадьбы, что никогда не случится.

Никогда не станет она женой. Не даст ее чрево жизнь. Кормит Ренэйст морское чудовище, что качает ее в тугих кольцах, играя с прядями белых волос.

Погребальный костер будет пуст. Нет у них тела, которое они могли бы предать огню, и это не та участь, которую заслужила его сестра.

Качает Медведь головой, отвернувшись, и проходит мимо Витарра, желая уйти. Братоубийца продолжает смотреть на звездное небо, чувствуя, как ворочается горе, и говорит тихо, едва ли не шепотом, зная, что слова эти причинят боль:

– Ты был бы ей хорошим мужем.

Хакон останавливается, ладонью сжав эфес меча, покоящегося у него на боку. Спина у него прямая, словно из камня высеченная, и в ночной тишине слышит

Витарр скрип его зубов, когда крепко стискивает челюсти. Так и не повернувшись, отвечает Хакон лишенным огня голосом:

– Был бы.

Погребальный костер полон подношений.

Изогнутый лук – не тот, что принадлежал Хэльварду и достался Ренэйст по наследству, ведь он сейчас покоится на морском дне, – и колчан, хранящий стрелы с белоснежным оперением, украшения и меха, разбросанные по всей поверхности деревянного постамента. Посуда и одежда, гребень и зеркало, некоторые личные вещи – все это должно облегчить жизнь погибшей, помочь ей занять должное место в ином мире. Но какой в этом смысл, коль тело ее не будет предано огню? Она погребена под толщей воды, ей не пригодятся все эти дары. Каждый пришедший на похороны оставляет свой дар, выказывает уважение, и думы их полнятся только мыслями о Ренэйст. Сожалеют о том, что не смогли помочь. Сокрушаются, что она погибла, такая юная. Волнуются, не зная, что будет дальше. Возможно, кто-то даже удовлетворен подобным исходом.

Этот ритуал нужен только живым. Ренэйст до него уж вряд ли есть дело.

К кургану стянулись все жители и гости Чертога Зимы. В своих темных одеждах на белом снегу кажутся они стаяй ворон, беспокойными птицами. Видит Витарр, как под руку ведет Хакон его мать, бледную и безликую кюну. Йорунн сжимает в руке ту самую куклу, с которой так любила играть Ренэйст, но не кладет ее к остальным подношениям. Не так просто хоронить второго ребенка, не так просто прощаться с кровью своей и плотью.

Медведь останавливается у изголовья кургана. Его тяжелая рука накрывает хрупкие женские плечи, и Витарр видит, как он что-то говорит ей. Кюна лишь отрицательно качает головой, прижимая тряпичную игрушку к своей груди. Это Витарр сейчас должен быть рядом с ней. Поддерживать Йорунн, утешать ее, согреть своим присутствием. Единственное дитя, которое у нее осталось.

Гул голосов рассекает ночную тишь и смолкает лишь тогда, когда появляется конунг. Ритуал начинается.

Приглашенная из лесной глуши вельва не внушает Витарру никакого уважения. Древняя слепая старуха вряд ли сама понимает, что происходит, пока обходит сложенный курган, напевая свои заклинания, призванные облегчить духу погибшей дорогу по ту сторону. Витарру так и не удастся понять, чей именно дух они сопровождают, если у них нет даже тела почившей. Ему бы хотелось верить в то, что если нет тела, то Ренэйст может быть жива. Стоит ли ему быть настолько наивным?

Ганнар подводит к костру белую кобылицу, и Витарр видит нож в его руке. Когда умирает вождь, по традиции в его честь забивают двух лошадей. Ренэйст же не только воин, но и любимая дочь конунга, потому дары должны соответствовать ее статусу.

Так род Волка отдает дань своим корням.

Тихо плача, стоит Йорунн кюна в стороне, качая в колыбели ладоней тканевую куклу. Не может принять свою потерю, отказывается верить, только упрямство не вернет ей дочь. Поднимает она взгляд, смотрит на сына заплаканными глазами, но тот лишь прячет лицо за густым мехом, накинув на голову глубокий капюшон.

Он не виноват. Они не должны винить его.

Для северян смерть не конец, а лишь начало пути. Они хоронят своих мертвецов с почестями, а после пышно пируют, чтобы в чертогах Одина знали, сколь горды они тем, кого потеряли. Похороны Ренэйст тихи и пусты; в ее гибели нет чести, слишком много боли она причиняет живым. Витарр видит, сколько горечи и сожаления на лицах тех, кто пришел проводить его сестру к праотцам. Смерть Рены несет не только горе, но и возможные распри, ведь она была наследницей Ганнара. Белолунная должна была передать титул конунга будущему своему супругу, но теперь конунг должен выбрать иного преемника.

Витарр не тешит себя пустыми надеждами. Знает он, что выберет отец Хакона, да только найдутся те, кто не примет такое решение. Правление передается в руки иного рода лишь в том случае, если от прежнего не осталось и следа, в то время как у нынешнего конунга остался живой сын. С какой стати трон Чертога Зимы должен занять чужак? Никто бы и спорить не стал, стань он супругом Ренэйст.

Вельва, дождавшись, когда иная часть ритуала будет выполнена, обходит пустующее погребальное ложе вновь. Шепчет себе под нос тайные слова, на языке этом когда-то говорили северные боги. Давным-давно их предки украли эти слова у них, желая заполучить хоть толику из множества умений. Женщин, что смогли прикоснуться при помощи этих заклятий к корням Иггдрасиля, Мирового Древа, прозвали вельвами, провидицами, ибо открылись им тайны каждого из Девяти Миров.

Сага сказала ему, что речи эти давно потеряли свою силу и являют собой не более чем тонкую нить, связывающую с прошлым. У него нет повода для того, чтобы не верить Саге. Она никогда не лжет ему.

Йорунн плачет безутешно. Прячет лицо за тряпичной куклой, вытирая ею горькие слезы, и стоящий подле нее Хакон бережно обнимает мать своей возлюбленной за плечи, привлекая ближе к себе. Конунг выглядит безразличным. На его лице нет ни капли участия, словно бы все, что происходит, абсолютно его не касается. Возможно ли, что просто не верит он в то, что хоронит любимую дочь? Вместе с ней сгорят надежды его рода, Волк будет вынужден отдать свое место другому, или же Ганнар вновь признает сына. Витарр в это не верит, конунг сделает все, что угодно, но уж точно не назовет его сыном вновь. Его и без того винят в том, что произошло. По Чертогу Зимы ходит молва, что таким образом боги наказали Ренэйст за то, что решила ему помочь. Что именно из-за присутствия Витарра на корабле морской змей пробудился ото сна и почуял их. Узнал в нем ту же черную кровь, что течет под его чешуей.

Ощущается, что вместе с Ренэйст хоронят весь род Волка. Невольно задумывается он о похоронах брата, на которых не присутствовал. Несмотря на то, что Хэльвард был наследником конунга, он не успел стать воином, поэтому его хоронили в совершенно иных условиях. В то время Витарр лежал в постели, сражаясь за свою жизнь, сгорая изнутри от сковывающего его жара. Да даже если бы был здоров, ему бы вряд ли было дозволено присутствовать на прощании с Хэльвардом. Он и на этих похоронах присутствует-то только потому, что больше ему нечего терять. Витарр рассчитывал на то, что, приняв участие в набеге, сможет добиться уважительного к себе отношения. Наградой его надеждам стали раздор и беспокойство всего народа.

Ритуал подходит к концу, и вельва замирает, запрокинув голову и слегка покачиваясь из стороны в сторону, отчего кости животных, коими украшено ее одеяние, стучат друг о друга. В полнейшей тишине наблюдают собравшиеся за ее действиями, и лишь тихие всхлипы кюны дополняют будоражащий костный стук. Раскрывает вельва слепые свои глаза, и кажется Витарру, словно бы воздух становится холоднее. Резко взмахнув руками, опустив голову, в несколько шагов оказывается она подле будущего погребального костра, проведя над ним дрожащей дланью. Запустив скрюченные пальцы в поясной мешочек, старуха извлекает из него гладкий темный камушек, блестящий в свете Луны, и кладет его к иным подношениям.

Руна. Маленькая руна, высеченная на обсидиановом камне. Та самая, которую вельва использовала во время ритуала посвящения.

- Твой путь, - шипит она беззубым ртом, отходя в сторону, - начался.

Слова эти доносятся до него, и тело напрягается, ощущая тревогу. С чего говорить ей о пути? Речи эти пробуждают в нем отголоски разговора, что, словно со дна пойла из дурман-травы, всплывают на поверхность. Издали слышит он собственный голос и голос младшей сестры, мертвой сестры, и пронзают они Витарра острыми наконечниками стрел.

«- Раидо - хорошая руна.

- Правда?

- Она означает «дорога». Или «новый путь».

Что на самом деле означало предсказание, полученное Ренэйст после охоты? Могло ли случиться так, что на самом деле она жива? Спасаясь от разъяренного морского чудовища, корабли отплыли от места нападения так стремительно, что она могла просто остаться незамеченной. От этой мысли становится горько. Она нуждалась в помощи, а они оставили ее.

Отвернувшись, он смотрит в совершенно другую сторону, не желая видеть момент, когда курган охватит пламя. Знает, что чувство вины душит его мыслями о сестре. Ему бы хотелось, чтобы Ренэйст была здесь, чтобы смогла найти подход к каждому, одним своим присутствием заставляя утихнуть споры и

бури. Быть может, она не хотела быть правительницей, но она умела ей быть. Знала, как должна была себя вести, что сказать и как посмотреть.

Маленькая, напуганная девочка, вынужденная стать взрослой слишком рано.

Решимость поднимается из его груди, душит, крепко стиснув глотку своей пламенной хваткой. Нет. Теперь он должен нести ответственность, должен получить то, что положено ему по праву наследования. Каждому ведомо, чей он сын, и конунг при всем желании не смеет отрицать их родство. От его ненависти Витарр не прекращает быть тем, кем был рожден. Нет ни брата его, ни сестры, а это значит, что остался только он.

Теперь Братоубийца возьмет свою судьбу за рога.

Витарр вздрагивает, стоит холодной ладони стиснуть его искаленное запястье, лишенное двух пальцев, и опускает взгляд вниз. Вельва стоит подле него, вырвав из вязкого плена тяжелых мыслей. Он чувствует запах смерти, пота и трав, что исходит от нее, и невольно морщится, до того вонь та противна. Но хватка ее крепка, и вскидывает ведьма на него слепой взгляд, царапая желтыми ногтями кожу на его запястье.

– Пусты могилы брата твоего и сестры, – шипит старуха подобно змее, – лишь оттого, что не для них они были уготованы. Тебя желают в свои объятия мертвые боги, Братоубийца, плату за клятву, кою ты дал, да нарушил, пустоголовый щенок. Нет больше спин, за которыми ты можешь скрыться, и не сбежать тебе от судьбы. Вар идет за тобой.

Становится тяжело дышать, и Витарр раскрывает рот, пытаясь вдохнуть. Слова вельвы сбивают с него всю спесь, раскрывают старые раны и выжигают новые, заставляя нутро истекать кровью.

Таковыми глупыми кажутся теперь мысли о том, что займет он должное место. Никогда не станет он своим, не то что правителем. Ему так хотелось верить в то, что у него есть шанс на спасение, но слова вельвы поясняют одно – у богов, пусть они и мертвы, свои на него думы. Зло оскалившись, выдергивает он руку из хватки сморщенной, но невероятно сильной женщины, зверем разъяренным рыча:

– Прикуси свой поганый язык, старуха! Поди прочь!

Та ничего не отвечает. Лишь заходится хриплым смехом, качая седой головой, и идет прочь, продолжая бессвязно бормотать. Юноша смотрит ей вслед, скрипя зубами, ладонью сжимая рукоять верного меча. Ему бы пронзить согнутую эту спину, пролив черную ведовскую кровь на снег, да только деяние это не сделает ему чести.

«Твой путь начался» – вот что сказала вельва, стоя над костром его сестры. Вспоминает он слова иной провидицы, что из раза в раз повторяла ему свое предсказание.

«Пройдет белая дева сотни дорог, повернет колесо против его оси и воротится назад, ведя за собой погибель. Ты – тьма, Витарр, сестра твоя – свет. Однажды один из вас убьет другого».

Сага.

Должен увидеть он молодую вельву, спросить еще раз, что таят в себе слова, что шепчут ее устами погибшие боги. Есть ли надежда, что жива сестра его? Сага говорит, что «белая дева пройдет сотни дорог», старуха пророчит мертвой Ренэйст начало пути, лишь глупец не поймет, как связаны эти слова!

Оборачивается Витарр, смотрит на костер, что полыхает ярко в ночи, и скалит зубы. Сжимает конунг в руке пылающий факел, наблюдает за тем, как охватывает пламя принесенные ими дары. Кюна падает на колени, содрогаясь всем телом; к ней приближается Сванна, супруга Тове ярла, и становится коленями в снег подле нее, обнимая за плечи, пока по другую сторону в снег опускается Хакон, стремясь помочь своей повелительнице. Собственный сын Сванны, потерявший в набеге глаз, лежит сейчас в одном из домов, набираясь сил. Все время с момента их возвращения находился он между мирами, как однажды был и сам Витарр.

Но Ове выжил. Почему не могла выжить Ренэйст?

Двойственность собственных мыслей губит его, Витарр не может понять, чего жаждет на самом деле. Должен ли он надеяться на то, что сестра жива, или же кончина ее может облегчить его страдания? Тянет ли она его за собой в могилу

или, наоборот, взрастет из ее костей его будущее? Змеями клубятся эти мысли в его голове, темными голосами звучат, когда пытается спать. Конунгов сын должен знать правду.

– Это ты виноват! – восклицает Йорунн, вскинув на супруга своего покрасневший от слез взгляд. – Ты сгубил нашу дочь! Я молила тебя не забирать у меня Ренэйст, не делать из нее воина, но ты не послушал меня! Каждому ведомо, сколь я противилась твоему решению, и вот к чему оно привело! Лишь ты виновен во всем, Ганнар, лишь по твоей воле моей дочери больше нет со мной! Лучше бы боги забрали тебя, лучше бы это ты умер!

Конунг ничего не отвечает. Продолжает держать в руке своей факел и смотрит на пламя, кое разгорается все больше, пожирая все возложенные на него подношения. Кажется, что мгновение – и сам шагнет он в этот огонь.

Сванна помогает Йорунн подняться с колен и, обнимая за плечи, уводит прочь. Кюна продолжает изрыгать проклятья сквозь слезы, и столь не похоже это на нее, что каждое слово ее сопровождается обеспокоенным шепотком толпы. Кто бы мог представить себе, что нежная и кроткая женщина способна на подобное выражение чувств?

Ярко пылающий костер больше никому не интересен. В одно мгновение люди словно бы забыли о том, для чего они здесь. Все их внимание отныне приковано к конунгу и его супруге, словно бы ничего важнее их ссоры не существует.

Оттого то, что происходит дальше, остается никем не замеченным. Никем, кроме Витарра, по обыкновению наблюдающего за всем из тени.

Быстрым шагом приближается Хакон к погребальному костру, полный отчаянной решимости. Витарр видит, как запускает он руку в самое пламя, выхватывая некий предмет из подношений. Стиснув зубы, выдергивает берсерк руку из огня, раскрывает ладонь, глядя на свою добычу, после чего разворачивается, встречаясь с конунгом взглядами. Ганнар смотрит на него в немом изумлении, и Хакон отвечает ему, да за ревом пламени Братоубийце не услышать его слов. Медведь уходит, расправив плечи, и Витарр следует его примеру, направляясь в Чертог Зимы.

У него не так много времени. Обряд окончен, и вскоре те, кто присутствовал на похоронах, вернутся в свои дома. Ему нужно успеть все подготовить, пока поселение пусто. Пока есть возможность остаться незамеченным.

Чтобы получить ответы, он должен привести к ней ее сестру.

Пламя погребального костра утихнет не скоро. Орошенный жиром, курган будет долгое время ярким факелом светить в ночи до тех пор, пока не останется от него одно пепелище. Только даже когда миг этот настанет, будет продолжать свое одинокое пиршество Ганнар конунг в стенах Великого Чертога до тех пор, пока не останется в нем сил для того, чтобы поднять тяжелую кружку. Заливает он горе свое крепким медом, да горечь его не может хоть на миг заглушить боль, кою испытывает могучий вождь. Будучи правителем, не может позволить конунг, чтобы хоть кто-то смог увидеть его слабость. В народе прослыл Ганнар Покоритель грозным и жестоким, познающим усладу лишь в бою, и слава эта тянется из самой его молодости. Тяжелый нрав младшего сына Ленне конунга мог укротить лишь его брат, Снорре, которому и было суждено занять отцовский престол. Спокойный и тихий, куда больше интересовался он изучением собственных земель и составлением карт, чем воинским ремеслом, что и было камнем преткновения меж двумя братьями. В тот миг, когда Снорре погиб в пещерах, погребенный под обвалом, Ганнар был с ним. Именно его обвиняли в произошедшем, об этом шептались люди за его спиной.

Ганнар сумел заставить замолчать каждого, кто выражал свое недовольство. Но о сыне своем говорить позволил.

Злость пожирает его; как мог допустить он все это? Не сберег Хэльварда. Позволил погибнуть Ренэйст. Обрек на страдания Витарра. Его никогда не было рядом, чтобы помочь своим детям. Он дал им жизнь, но не помог понять, как ей распоряжаться. Слишком долго конунг закрывал глаза на свои изъяны, уверенный в собственной непоколебимой правоте.

Его сын пошел по его стопам, прошел через то же горе, а Ганнар с ним таким образом обошелся. Кто мешал самому конунгу броситься в воду и спасти обоих своих сыновей? Почему он стоял на берегу, наблюдая за тем, как Хэльвард и Витарр борются за свои жизни?

Права Йорунн. Лишь его в этом вина.

Настолько он пьян, что даже не слышит, как тяжелые двери Великого Чертога отворяются. Все, что происходит вокруг, словно бы больше не имеет никакой важности. Не поднимает Ганнар головы, когда практически бесшумные шаги нарушают его одиночество. Кто бы ни пришел сюда в столь поздний час, его присутствие не стоит его внимания. Конунг делает еще глотокпряного напитка, пока визитер подходит совсем близко. Тонкие руки накрывают плечи, и мужчина вздрагивает невольно, когда слышит ее голос:

– Я соболезную твоей потере, мой конунг. Ренэйст была бы превосходной наследницей.

Он был готов к тому, что по его душу придет кто угодно, но не она. Супруга, решившая пронзить его остатками своей боли. Ульф Бурый, вбивший себе в голову, что имеет право на то, чтобы решать, как ему, конунгу, следует поступить. Витарр, насмехающийся над его слабостью. Но к ее приходу он был не готов, и гнев застилает глаза. Стискивает Ганнар пальцами края тяжелой кружки, да так, что дерево начинает трещать. Злость охватывает его, заставляя отчаянье раствориться в ней, и хрипит сквозь зубы, покачав головой:

– Я сделал все так, как ты сказала. Отрекся от Витарра и нарек дочь своей наследницей, потому что ты сказала, что так будет лучше. Что боги велели тебе передать мне их слова. Я поверил тебе и сегодня похоронил ее. Что ты можешь сказать мне, чтобы оправдать мою потерю?

Женщина ухмыляется; он чувствует, как растягиваются ее губы у него над ухом. Хватка становится крепче, словно бы желает она пустить когти свои в самую его плоть, но вместо этого отходит, плавно покачивая бедрами. Ганнар смотрит на нее сквозь пряди темных волос, тронутых сединой, и кривит губы.

Ведьма. Проклятая ведьма.

Как он мог быть настолько глуп, чтобы поверить ей? Учитывая, что за молва ходит о ней, сторониться нужно, как от прокаженной, а он... Залпом допивает он содержимое своей чары, опустошая ее одним глотком, и с грохотом опускает на стол, роняя голову на сложенные руки.

Ему с этим не справиться.

– Что я скажу? – спрашивает она, подходя к столу, на котором стоят новая бутылка эля и еще одна кружка. – Что такова была воля богов, и лишь передала я тебе их слова. Но не печалься, дорогой мой конунг, – я знаю, как утолить твою печаль.

Ничто не может утолить его печаль. Она сказала ему множество зим назад, что дочь будет ничуть не худшим наследником, чем сын, и что сами боги желают, чтобы она заняла его место. Мужчина поверил, сломленный смертью старшего сына, и, считая, что это поможет снять проклятье с его рода, поступил так, как сказала она. Теперь же двое из троих его щенков мертвы, и того, что остался в живых, он сам затравил, считая виновником этих несчастий.

Потому что она так сказала. Потому что боги считали Витарра виновным.

Как он был слеп!

– Я велю казнить тебя, – хрипит Ганнар, так и не открывая глаз. – Приговорю к «кровавому орлу» и буду смотреть, как тело твое корчится в муках, проклятая ведьма. Ты знала все с самого начала.

– К чему же такая ярость, мой конунг? – ласково шепчет она. – Словно бы я своею рукой столкнула дочь твою за борт. Да будет тебе известно, что я любила Ренэйст так, словно бы она была моей собственной дочерью. Смерть ее причиняет мне не меньше боли, чем тебе, но горе не должно застилать нам глаза. Мы должны идти дальше.

Вновь, как и двенадцать зим назад, голос этот убаюкивает его, подчиняет своей воле, и ярость в груди воина стихает. Сломленный, сидит он за столом, поднимая на женщину взгляд лишь тогда, когда она ставит перед ним полную эля кружку, забрав из рук конунга ту, которую он опустошил.

– Пей, мой конунг, – шепчет она, проведя холодной ладонью по его щеке, – это усмирит твою боль.

Ей нельзя верить. Он знает это, осознает так ясно, как никогда не понимал, но, словно одурманенный, поднимает кубок к губам, делая первый глоток. Женщина смотрит на него с ласковой улыбкой, словно мать на свое дитя, и надавливает пальцами на дно кружки, заставляя мужчину опрокинуть в себя все содержимое.

Улыбка превращается в звериный оскал.

Им предстоят новые похороны.

Глава 4. Солнце в ночи

Испуганный гул не умолкает даже тогда, когда оставшиеся невредимыми корабли отплывают достаточно далеко от места крушения. Взволнованные люди мечутся по палубе, перекрикиваются между собой, с тревогой вглядываясь в водную гладь, словно бы пытаясь убедиться, что чудовище оставило их в покое. Помогают раненым, суется, как беспокойное зверье, и уже не кажутся столь суровыми, какими были, нападая на Большеречье. Настолько взволнованы они случившимся, что даже не обращают внимания на своих пленников. Может, есть возможность спастись – вдалеке все виднеется спасительный остров чужих берегов. Не успеют спохватиться северяне, а там, быть может, удастся добраться вплавь.

Только кто рискнет прыгнуть за борт после всего, что довелось увидеть?

Сломленные кораблекрушением и явлением морского чудовища, пришедшего из самых глубин, дети Солнца прекращают противиться своей судьбе. Жмутся друг к другу, льют слезы и молят Ярило о спасении. Тот смотрит на них с золотого щита Солнца, сияющего над головами, отражающегося в лазурных водах, кажущихся обманчиво спокойными, и остается безучастным.

Южане не меньше напуганы и безутешны, чем северяне. Сторонятся бортов корабля, держатся от них подальше и смотрят на удаляющийся остров. Дрожат

от страха, молят о спасении и кричат, кричат, кричат.

Безутешнее всех рыдает Весна. Бьется в чужих руках, стремится туда, к обломкам, к змеиной чешуе на волнах и людской крови. Тянет ее к Радомиру, не верит она в то, что мог кануть он в морской пучине. Они пообещали отдать друг другу свои сердца. Весна должна стать ему верной женой, а что же теперь? Мертвецам жены не нужны. Кричит она его имя, твердит, словно единственное слово, ей ведомое, до тех пор, пока не лишается сил.

Не помнит она остаток путешествия, то, как скрылось Солнце вдали, а вокруг стало так темно, словно глаза закрыты. Луннорожденные жгут факелы да достают меха, в которые кутаются сами и скрывают своих пленников. До этого мига Весна касалась меха лишь на живых зверях, в их краях нет нужды в том, чтобы хранить тепло тела, да и мяса в избытке. Для чего просто так убивать жителей леса? Но сейчас, в лютом этом холоде, кутается она в мех лишь сильнее, прячется всем телом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/volkova_yanina/deti-zolota-deti-peska

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)